

Роберт Льюис Стивенсон

Несусветный багаж

ООО "Свиньин и сыновья"

1889

Стивенсон Р.

Несусветный багаж / Р. Стивенсон — ООО "Свиньин и сыновья",
1889

Это книга того самого Роберта Луиса Стивенсона, что известен всему миру романом «Остров сокровищ», который он написал по просьбе своего пятнадцатилетнего приемного сына Ллойда Осборна. Героев повести «Несусветный багаж» тоже ждут приключения, но совсем другого рода – скорее забавные, чем опасные. Впрочем, сами герои считают иначе...
На русском языке публикуется впервые.

© Стивенсон Р., 1889

© ООО "Свиньин и сыновья", 1889

Содержание

Предисловие переводчика	6
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Стивенсон, Ллойд Осборн Несусветный багаж

© В. Свињин – перевод, предисловие 2004

© Свињин и сыновья 2004

Предисловие переводчика

Имя Роберта Луиса Стивенсона не нуждается в представлении российскому читателю. Как, впрочем, и любому другому в мире. Это один из тех писателей, при упоминании о которых принято добавлять эпитет «знаменитый» или даже «великий». Почти все его произведения давно переведены на русский язык. За немногими исключениями. Одно из таких исключений и составляет предлагаемая вниманию читателей повесть. Она впервые была опубликована в Лондоне под названием «The Wrong Box», что в дословном переводе означает «неправильный (или ошибочный, или не тот) ящик». Переводчик взял на себя смелость дать повести другое название, не меняющее его сути, но стилистически более точно отражающее содержимое указанного ящика – «Несусветный багаж». Более того, мне показалось уместным дать специальное определение жанру этого произведения – «злключенческая повесть», ибо это наилучшим образом характеризует события, происходящие с персонажами. В оправдание свое могу сказать, что, на мой взгляд, к этому жанру относятся и многие другие известные произведения мировой литературы: «Дон Кихот», например, или оба знаменитых романа Ильфа и Петрова об Остапе Бендере, или «Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса и «Трое в одной лодке» Джерома К. Джерома. Мне могут возразить, что в большей степени эти книги объединяет насыщенность юмором, но что поделаешь, если именно безобидные злключения героев и являются чуть ли не единственным благодатным поводом для вдохновения писателей-юмористов. В данной повести юмор тоже присутствует в большом количестве и вполне английского качества. Вот еще одна особенность, которая выделяет эту книгу из других произведений Р. Л. Стивенсона.

Главное же отличие – в наличии соавтора. Таких книг у Стивенсона немного – пять или шесть (из более чем сорока) – и в трех из них соавтор – Сэмюэль Ллойд Осборн. История их знакомства и последующей многолетней дружбы заслуживает отдельного рассказа. Когда они впервые встретились, Роберту Луису было двадцать девять лет, а его будущему приемному сыну – только девять, и он был американским подданным (как, впрочем, и всю жизнь им оставался). Вскоре Р. Л. и мать Ллойда, Фанни Осборн (до первого замужества – Фанни Вандергрифт), поженились, и все семейство (в него входила также старшая сестра Ллойда Айсобель) обосновалось в Лондоне. Лондонский климат, однако, весьма плохо сказывался на самочувствии больного туберкулезом Р. Л., поэтому большую часть времени семья проводила в других широтах (зиму – в швейцарском Давосе, лето – в Шотландии, межсезонье – на средиземноморских курортах).

Стивенсон в те годы не был еще не только великим писателем, но даже и скольконибудь удачливым журналистом. Существовала семья на дотации, предоставляемые родителями Р. Л. Случилось так, что один из первых литературных успехов пришел к Роберту Луису именно в Давосе благодаря предприимчивости двенадцатилетнего пасынка. Вот как рассказывал об этом много лет спустя сам Ллойд Осборн (мы приводим здесь обширную выдержку из предисловия к изданной им в Давосе книге стихов Р. Л. Стивенсона «Поучительные эмблемы» с авторскими гравюрами, найденной в Интернете, а также несколько шуточных стихотворных строк в переводе Маши Лукашкиной, в которых Стивенсон-автор упоминает и об издателе «маленького роста»):

Со странным чувством, будучи уже немолодым, сажусь я за предисловие к книге, которую издал в двенадцать лет. Читатель, как я хочу, чтобы ты представил себе мальчика, что живет в Швейцарии на склоне горы и видит из окна крошечного домика раскинувшееся внизу селение Давос-Платц. Легочные больные, для которых этот климат считается целебным, приезжают сюда в последней надежде на выздоровление. Многие из них умирают.

Стояла зима; плавную линию горизонта нарушали врезавшиеся в небо заснеженные вершины гор; деревня – на городок это место не походило – была завалена снегом. Утро наступало поздно, солнце заходило рано. Ледяная неподвижная ночь отвоевала большую часть суток.

Мальчику было весело здесь! Он мог волю кататься с горок, бегать на коньках, лепить снежки. Ему нравился морозный бодрящий воздух, лес, в котором росли елки, усыпанные искрящимся снегом. Да и дом, где он сейчас жил, с его кукольным театром и ручным печатным станком, не казался вынужденным пристанищем. Однако мальчик замечал, что и мать, и отчим не слишком здесь счастливы. Мать выглядела озабоченной, несколько раз он заставлял ее плачущей. Отчим, которого он боготворил, исхудал и выглядел нездоровым. Отчима звали Роберт Луис Стивенсон. Он был не слишком удачливым писателем и оказался здесь только благодаря помощи богатых родителей из Эдинбурга. Однажды, сидя за уроками, мальчик случайно услышал поразившую его фразу: «Ничего не поделаешь, Фанни, я вынужден обратиться к отцу». От этих слов веяло такой безысходностью, что мальчик задумался, где бы раздобыть денег. Он сознавал, что недешево обходится отчиму. За одну его учебу в школе тот выкладывал сорок фунтов, не говоря уж о дополнительных занятиях с умирающим прусским офицером, который обучал немецкому языку по оригинальной методике, заставляя мальчика держать во рту складной нож для выработки правильного произношения.

Мальчик нашел себе работу в только что открывшемся отеле «Бельведер» – для субботних ночных концертов там требовались отпечатанные программки. Господин с черной бородой, в распоряжение которого он поступил, сразу предложил платить ему два с половиной франка за каждую сотню программ. То был свирепого вида господин с ужасными манерами, к тому же весьма строгий в вопросах правописания. Он не пропускал ни одной ошибки. Стоило мальчику напечатать: «Песню «Это было летом» исполняет Эдвин Смит», – и господин с черной бородой заставлял его переделывать всю работу заново. Иногда в отеле устраивались благотворительные базары, и тогда мальчику случалось печатать не только программки, но и объявления, приглашения, вывески. На одном из таких базаров он без труда продал за один пенс стихотворение отчима «Плач по оловянным солдатикам». А какую гордость он испытал, когда получил заказ на тысячу лотерейных билетиков!

У мальчика точно выросли крылья. Он написал и сам же издал тоненькую книжечку «Черный каньон, или Жизнь на Диком Западе». В качестве иллюстраций он использовал вырезки из журналов. Впоследствии эта книжечка не раз была выставлена на аукционе у Сотби. Вам крепко повезло, если вы купили ее там за двадцать пять фунтов, ведь теперь ее представляют как «Буклет из Давоса. Стивенсонована. Чрезвычайная редкость». Однако первоначальная цена книжки была шесть пенсов – в несколько раз больше, чем доход от отпечатанных программ.

Луис, так мальчик называл отчима, следил за этой издательской авантюрой с пристальным интересом. Вскоре и в нем проснулось авторское честолюбие и он с напускной несмелостью предложил мальчику рукопись книги «Не я, и другие стихотворения». Фирма «Осборн и К^о» немедленно приняла решение издать ее. Все 50 экземпляров книги были проданы мгновенно.

Издатель был потрясен, а автор прямо-таки ликовал, утверждая, что ни одна из его прежних книг не имела такого успеха. С пылом принялись они обсуждать следующую книгу, первое стихотворение для которой у Луиса уже было.

1

*Позвольте нам узнать сейчас
И ваше мнение
О тех стихах, что вышли в свет.
Они похожи на памфлет,
Но тем не менее.
Я признаю: небрежный слог
Любой из вас заметить мог,
Прочтя внимательно.
Однако это неспроста.
Всему виной размер листа
И рост издателя*

2

*Стихи писал для книжки,
Сказать придется мне,
ИЗВЕСТНЫЙ, но не слишком,
ПОЭТ, но не вполне.
Под стать ему издатель,
Что высоко в горах Мечтал, чтобы читатель Сказал
с восторгом: «Ах!»
Они корпели месяц.
Потрать же пять минут,
Прочти с семьею вместе
И оцени их труд!*

«Найти бы иллюстрации», – говорил издатель с сожалением. Все вырезки из журналов были использованы им для книжки «Черный каньон, или Жизнь на Диком Западе». Об иллюстрациях оставалось только мечтать. Хотя почему мечтать? Луис, человек умеющий многое (он даже рисовал декорации), пообещал, что вырежет картинки по фретвуду. Слово «фретвуд» сейчас почти забыто, как забыто и само искусство вырезания по тоненькой дощечке, для которого нужны рисунок-основа, лобзик, ну и, разумеется, немалое терпение. Луис разрезал лист фретвуда на несколько маленьких квадратиков и задумался. В его распоряжении был только перочинный нож, настоящие инструменты появились позже. Однако за дело он взялся, и решительно.

Следующий день прошел в мучительном для издателя ожидании. Но вот наконец готова вырезанная на листе фретвуда гравюра к стихотворению «Сострадание». Теперь ее надо приклеить к деревянному бруску, чтобы она оказалась в печатном станке точно одной высоты с уже набранным текстом.

Деревянный брусок нужного размера найден. О разочарование!.. На пробном оттиске рисунка не получилось. Автор и издатель глядели друг на друга в отчаянии, однако им на помощь пришла женская смекалка. «Почему бы вам не подложить под брусок папиросную бумагу?». «Браво, Фанни!». Автор снова принялся подгонять высоту бруска. И снова оттиски, листки изведенной папиросной бумаги, бегом по лестнице в комнату, где жил мальчик и где температура остановилась на нулевой отметке. Но что за беда холод? Дела шли успешно! Мальчик печатал оттиск за оттиском, с восторгом наблюдая, как свежая краска, отпечатываясь на бумаге, повторяет страницу будущей книги. На следующий день он отправился к умирающему швейцарцу, – половина населения Давоса непрерывно кашляла. Швейцарец жил с семьей в одной комнате и зарабатывал на жизнь тем, что вырезал из дерева медведей. Ему то и был показан образец – деревянный брусок с приклеенной к нему гравюрой. Может ли он вырезать дюжину брусков такого же размера из очень твердых – без единого сучка! – пород дерева? Швейцарец ответил утвердительно и принялся за дело.

Так были напечатаны «Поучительные эмблемы», 90 экземпляров, по 6 пенсов за каждый. Успех книжки был оглушительный. Богатые постояльцы отеля «Бельведер» покупали сразу по три экземпляра. Друзья Луиса, оставшиеся в Англии и получившие книжку по почте, в письмах просили прислать им продолжение. Тем временем сам он работал как вол. Мальчик однажды слышал, как отчим признался знакомому: «Кто знал, каким подарком судьбы станут для меня эти гравюры! Когда я устаю писать, читать и думать, я занимаюсь ими и при этом получаю огромное удовольствие».

Скоро вышли в свет «Поучительные эмблемы 2», 90 экземпляров, по 9 пенсов за каждый. Они были приняты с тем же восторгом.

Если бы участие Ллойда в литературных делах отчима ограничилось только этим эпизодом, и то ему было бы чем гордиться. Но следующая его инициатива, а точнее просьба к Луису «написать что-нибудь интересное», в результате принесла писателю всемирную славу. Речь, разумеется, идет о романе «Остров сокровищ». В то время мальчику было уже пятнадцать лет, и они оба с отчимом любили рисовать карты. Одна из карт, нарисованных Луисом, оказалась особенно удачной. Это была карта острова. Неясный замысел, уже давно бродивший в уме писателя, внезапно приобрел четкие очертания. Оглавление будущей книги он соста-

вил в тот же день, на следующий начал ее писать. Книга была рассчитана на вкусы Ллойда, и тот, конечно, стал первым ее читателем. По-видимому, мальчик оказался весьма требовательным читателем и критиком, что нашло отражение в посвящении, предпосланном Стивенсоном роману:

«С.Л.О., американскому джентльмену, благодаря чьему образцовому вкусу это повествование было задумано и осуществлено, в знак признательности за многие восхитительные совместные часы, и с наилучшими пожеланиями, посвящается его горячо любящим другом, автором».

Удивительно, но в большинстве русских изданий это посвящение почему-то не приводится. Возможно, советские издатели не были уверены, что американский гражданин, скрывающийся за инициалами С.Л.О., ничем идеологически не провинился перед Советским Союзом (Ллойд Осборн умер в 1947 году, более чем на полвека пережив своего знаменитого отчима и соавтора). О его жизни и литературных трудах (а он избрал себе именно эту стезю) в эти полвека известно очень мало. Но внимание исследователей творчества Стивенсона к Осборну как соавтору отчима не угасает до сих пор. Их волнует вопрос – как могло сложиться сотрудничество прославленного писателя с ничем особенно не выделявшимся и очень еще молодым человеком? Вот как объясняет известные факты автор биографического очерка о Стивенсоне (Собрание сочинений в 5-ти томах, М., изд-во «Правда», 1967) М. Урнов:

«Вокруг Стивенсона все писали. Пробовала перо Фанни, и ее литературные опыты стоили Стивенсону дружбы с лучшим другом молодости и тоже соавтором – Уильямом Хенли (вместе они написали несколько пьес): новелла, сочиненная Фанни, явилась поводом для ссоры между ними. Шутливое посвящение пятнадцатилетнему Ллойд звучало вполне серьезно, так как имя «американского джентльмена» было обозначено только начальными буквами. Даже ближайшим друзьям Стивенсона и в голову не приходило, что господин, чье литературное чутье будто бы оказалось способным помочь в создании столь изящной книжки, пятнадцатилетний мальчик. Только на исходе своих дней, подготавливая собрание сочинений, Стивенсон раскрыл, что литеры С.Л.О. означают Сэмюэль Ллойд Осборн. Тогда все стали принимать комплимент «образцовому вкусу» за добродушную иронию, а вместе с этим являлась мысль, что и последующее соавторство Стивенсона со своим пасынком – мистификация.

Нет, здесь Стивенсону было не до шуток. Оба отпрыска Фанни от первого ее мужа помогли Стивенсону в работе. Дочь – Айсобель Осборн, или, как ее называли, Бель, писала под диктовку. Ллойд, считалось, принимает участие более творческое – сочиняет сам, помогает развивать сюжет и т. д. Почему же в таком случае не мог он завершить оставшиеся после Стивенсона недописанными «Сент-Ив» и «Уир Гермистон»? Еще при жизни отчима Ллойд Осборн опубликовал самостоятельно один рассказ, а потом, когда Стивенсона уже не было, он напечатал несколько романов, новеллы и пьесы. Так что имеется возможность объективно оценить его данные – весьма средние. В самом деле, что-либо значительное подсказать Стивенсону Ллойд был едва ли способен. Его соавторство со Стивенсоном хотя и не являлось мистификацией, но в то же время не было действительным. Оно формально: приобщив Ллойда к своей работе, поставив его имя рядом со своим на обложке, Стивенсон обеспечивал за ним в дальнейшем авторские права.»

При желании можно сделать и такой вывод. Но реальных фактов, свидетельствующих о справедливости подобного суждения, попросту нет. Та к же как нет причин сомневаться в том, что у Роберта Луиса Стивенсона были более серьезные основания ставить имя Ллойда Осборна рядом со своим на титульном листе трех произведений, чем просто родственные чувства или меркантильные соображения. Ведь соавторство не обязательно подразумевает поочередное написание конкретных разделов или абзацев. Оно может состоять и в придумывании поворотов сюжета, и в обсуждении характеристик персонажей. А сюжет в «Несусветном багаже» закручен весьма лихо, остроумно и изобретательно. Персонажи очерчены живо, органично, как правило, с большой долей иронии, но и симпатии. Многие из тогдашних знакомых Стивенсона могли, видимо, узреть в некоторых героях повести (как это часто бывало у Стивенсона) свои черты и привычки. Поздневикторианская Англия, по представлению многих мрачная и чопорная, на страницах книги предстает совсем в другом свете. Рассыпанный по этим страницам юмор мог бы иногда показаться черным, но легкость стиля снимает это впечатление. Английским читателям повесть «The Wrong Box» хорошо знакома, она переиздавалась там неоднократно. В 1966 году был даже поставлен фильм с одноименным названием. Но сценарий фильма по сюжету сильно отличается от такового в книге: главное противостояние происходит между непосредственными участниками «Лотереи Тонти» – стариками братьями Финсбюри. В книге же основные коллизии связаны с представителями младшего поколения фамилии.

Мы, в свою очередь, надеемся, что наконец и наш читатель в полной мере сможет оценить успешность этого совместного литературного проекта фирмы *Стивенсон & Осборн*, который представляет собой книга под названием «Несусветный багаж».

В. Свинын

Глава первая в которой Моррис подозревает

Что может знать о творческих муках писателя, о невзгодах, которые его подстерегают, любитель легкого чтения, развалившийся в кресле и с усмешкой на устах перелистывающий страницы книжки! Как мало думает он тогда о долгих часах тяжелого труда, о таких необходимых для писателя вещах, как советы специалистов, утомительная переписка с известными учеными – одним словом, о всей той грандиозной конструкции, которую сначала необходимо выстроить, а потом разобрать на детали, и все это только для того, чтобы ему, читателю, побыстрее пролетело время в поезде. Да, я мог бы начать эту повесть с описания биографии Тонти, места его рождения, семьи, талантов, унаследованных, видимо, от матери, признаков гениальности, проявившихся уже в ранней молодости и так далее – наконец, с подробного описания системы, которая ныне и названа его именем. Все необходимые для этого материалы у меня под рукой – вот они, в полном порядке и готовности. Но я чужд подобного бахвальства. Тонти умер, и мне не приходилось еще встречать человека, который, пусть даже в приступе лицемерия, выразил бы сожаление по этому поводу. Что касается его системы, то для целей нашего повествования достаточно будет буквально пары слов.

Несколько проворных молодых людей (чем их больше, тем забавнее), вносят каждый определенную сумму в общую «кассу», которая затем на специальных условиях вкладывается в доверенный банк. По прошествии какой-то без малого сотни лет ее (вместе с процентами) должен получить, надо думать, ненадолго, последний оставшийся в живых вкладчик, к тому времени уже явно глухой пень, до которого с трудом доходит известие о свалившемся богатстве и который столь близок к уходу в мир иной, что, по сути дела, вся эта суэта ему глубоко безразлична. Вот вам во всей красе поэзия и юмор замысла, который в результате никому никакой корысти не приносит. Но наших недавних предков, не чуждых своеобразного благородства и спортивного интереса, подобные забавы весьма развлекали.

Джозеф Финсбюри и его брат Мастерман были еще маленькими мальчиками в коротких штанишках, когда их отец, зажиточный торговец из Чипсайда, вписал их в состав немногочисленной, но солидной *тонтины*, насчитывающей тридцать семь участников. Величина вклада составляла тысячу фунтов. И по сей день помнит Джозеф Финсбюри визит к адвокату, куда явились все участники *тонтины* – такие же как и он, дети, – и как по очереди садились они в глубокое кресло и ставили свои подписи с помощью приветливого старичка в очках и светлых гамашах. Также помнит он, как играли потом с детьми на лужайке за домом адвоката, когда случилась впечатляющая драка с собратом по *тонтине*, больно пнувшим его в ногу. На отзвуки битвы вышел сам адвокат, угощавший в своем кабинете родителей вином и печеньем; сражающиеся стороны были разведены, а старичок утешал Джозефа (младшего из дерущихся), уверяя, что в его годы он был такой же маленький. Джозеф же втайне задумывался, носил ли старичок тогда гамашу и была ли у него уже тогда такая маленькая лысая голова, а перед тем, как уснуть, дал волю воображению, представляя себя переодетым в костюм старичка и угощающим мальчиков и девочек вином и печеньем.

В 1840 году все тридцать семь членов *тонтины* еще были в живых, к 1850 году убыло семеро, в годах 1856 и 57 дело пошло быстрее, поскольку Крымская война и восстание в Индии сократили число участников по крайней мере еще на семь человек. В 1870 году в живых оставалось уже только пять партнеров из числа учредителей, к моменту же, когда начинается действие нашей повести, их оставалось только трое, в том числе двое братьев Финсбюри.

Возраст Мастермана насчитывал к тому времени семьдесят два года. Он давно уже жаловался на разные старческие недомогания, давно отошел от дел и жил в полном уединении

под одной крышей со своим сыном Майклом, владельцем известной юридической конторы. Джозеф же, в свою очередь, выглядел вполне бодро, его неказистую фигуру можно было часто видеть на улицах, по которым он любил прогуливаться. Такое положение вещей тем более было достойно сожаления, поскольку Мастерман прожил жизнь, являвшую собой (до мельчайших подробностей) подлинный образец истинного англичанина. Трудолюбие, обстоятельность, серьезность и разумная осторожность при помещении капитала во все времена становили прочный фундамент для достойной старости. Всеми этими чертами Мастерман обладал в полной мере, но увы, был на семьдесят третьем году жизни в состоянии *ab agendo*¹, в то время как Джозеф, будучи моложе на каких-то два года, находился в прекрасной физической форме, хотя вел предосудительный образ жизни бездельника, пустослова и чудака. Поначалу он пытался заниматься кожевенной торговлей, но подобная деятельность ему быстро надоела, поскольку он не имел к ней ни малейшей склонности. К тому же вскоре им овладело, поглощая всю жизненную энергию, не подавленное вовремя увлечение сбором всяческих сведений обо всем на свете. Нет страсти, более парализующей рассудок, хуже может быть только тяга к публичным выступлениям, как правило сопутствующая предыдущему влечению или даже им и порожденная. В случае Джозефа обе эти разрушительные наклонности развивались одновременно и параллельно, и настало время, когда двойная болезнь перешла в остро воспалительную стадию – пациент начал выступать с бесплатными лекциями. По истечении нескольких лет он уже был готов преодолеть до тридцати миль, чтобы выступить в школе перед учениками. Эрудитом он между тем не был, все свои знания черпал из школьных учебников и газет, его амбиции не распространялись даже на энциклопедию. Как он утверждал, жизнь есть источник мудрости, и добавлял, что его лекции не предназначены для профессоров, он обращается непосредственно «к сердцам простых людей», и по-видимому, в сердцах этих людей скрывалось больше способности к пониманию, чем в разумах, ибо разглагольствования Джозефа часто воспринимались с одобрением. Среди безработных, например, вызвал сенсацию доклад на тему «Как сохранять присутствие духа при сорока фунтах годового дохода». Уважение другой группы недоумков он приобрел благодаря лекции, озаглавленной «Просвещение: его цели, задачи и необходимость». Знаменитый его реферат о «Страховании жизни, рассмотренном с точки зрения его пользы для широких масс», оглашенный в Обществе Распространения Знаний на Собачьем острове, был встречен буквально овацией не слишком искушенных слушателей обоего пола и произвел столь сильное впечатление, что на следующий год докладчика избрали председателем этой организации. Мало того, что эта должность была чисто почетной, традиция предписывала, чтобы занимающий ее человек вносил на нужды общества определенную сумму; тем не менее Джозеф был весьма доволен, официальный титул льстил его тщеславию.

Таким вот образом Джозеф завоевывал себе известность в наиболее образованных кругах наименее просвещенных слоев населения, когда его личную жизнь неожиданно осложнило появление сирот. После смерти младшего брата Джеймса он был назначен опекуном двух его сыновей – Морриса и Джона. В том же самом году семья увеличилась и еще на одного члена в лице маленькой девочки, дочки мистера Джона Генриха Хезелтайна, джентльмена, у которого было мало денег и еще меньше приятелей. Джозефа он встретил единственный раз в жизни, когда слушал его выступление в Холлоуэе. Событие это стало, однако, для мистера Хезелтайна переломным: вернувшись домой, он изменил завещание, поручая дочку и ее скромное наследство докладчику. Джозеф, хотя и был человеком по природе доброжелательным, новые обязанности воспринял с некоторым внутренним сопротивлением. Первым делом он дал объявление, что ищет няню для младенца, и купил подержанную детскую коляску. Морриса же и Джона Джозеф встретил более радушно, учитывая не столько кровные узы, сколько пользу для своего

¹ *Ab agendo* (лат.) – в состоянии неправопоспособности. (здесь и далее примечания переводчика)

торгово-кожевенного дела (куда он тут же вложил весь капитал племянников, составляющий ни много ни мало тридцать тысяч фунтов), которое по непонятным причинам грозило вот-вот зачахнуть. Вскоре был нанят молодой, но способный шотландец, который должен был заняться делами фирмы, а сам Джозеф Финсбюри с этого момента совершенно перестал ими интересоваться. Поручив своих подопечных заботам предприимчивого шотландца, сам мистер Джозеф отправился в длительное путешествие по Европе и Ближнему Востоку.

С многоязычной Библией в одной руке и комплектом двуязычных разговорников в другой попал он на материк, где люди разговаривали на одиннадцати европейских языках. К тому же первое из этих пособий было мало пригодно для нужд путешественника-философа, да и другое предназначалось скорее для туриста, чем для исследователя, познающего тайны бытия. Джозеф, однако, находил выходы из положения, пользуясь, где удавалось, услугами переводчиков, и, так или иначе, сумел заполнить множество блокнотов результатами своих исследований.

Немало лет провел он в этих странствиях и вернулся в Англию лишь тогда, когда возраст его подопечных потребовал лично заняться их дальнейшей судьбой. Оба паренька закончили хорошие и не слишком дорогие училища, где получили приличное образование по торговой части, что, впрочем, вряд ли было ко времени, поскольку дела торгово-кожевенной фирмы находились в состоянии, которое не вызвало бы восторга у любого толкового бухгалтера. По сути дела, когда Джозеф просмотрел текущие счета (подходил срок возврата доверенных его опеке сумм), он с удивлением обнаружил, что вверенный ему капитал покойного брата, по крайней мере, не увеличился. Более того, даже если бы он отдал своим подопечным все свои личные сбережения до последнего пенса, то остался бы должен им сумму, равную семи тысячам восьмистам фунтам. Когда в присутствии адвоката об этом факте было сообщено обоим братьям, Моррис Финсбюри стал угрожать дяде судебным преследованием со всеми вытекающими отсюда суровыми последствиями, и только советы адвоката удержали его от столь радикальных шагов.

– Из камня крови не выжмешь, – заявил адвокат.

Моррис осознал практический смысл данной метафоры и худо-бедно с дядей договорился. Джозеф передавал племяннику все свои сбережения, а также свое участие в *тоннине*, которая к настоящему моменту уже должна была составлять немалый капитал. В обмен на это Моррис брал на себя обязательство содержать дядю и мисс Хезелтайн (которая, естественно, разделяла с остальными подопечными все неприятности) и выдавать им на карманные расходы по одному фунту ежемесячно. Для пожилого джентльмена эта сумма была вполне достаточной. Трудно, однако, себе представить, каким образом могла бы мисс Хезелтайн на эти деньги иметь приличествующий для молодой девушки гардероб, факт же заключается в том, что она каким-то образом с ситуацией справилась, более того, никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы. И вообще, она была искренне привязана к своему незадачливому опекуну. Ведь он никогда не вел себя грубо или даже невежливо по отношению к ней, к тому же солидный возраст многое искупал, да и было, в конце концов, с ее точки зрения что-то трогательное в этом страстном стремлении к увеличению сведений об окружающем мире и в той невинной радости, которую доставляли ему малейшие знаки внимания и восхищение его эрудицией. И хотя адвокат предупредил о том, что именно ей выпадает судьба главной жертвы, Джулия категорически отказалась участвовать в усугублении невзгод, выпавших на долю дяди Джозефа.

Все четверо жили вместе в большом мрачном доме на Джон-стрит в Блумсбери². На внешний взгляд они составляли семью, на самом же деле это была группа людей, связанных взаимными финансовыми интересами. Само собой, Джулия и дядя Джозеф выступали в роли заложников. Джона, чьи интересы ограничивались игрой на банджо, пивными, мюзик-

² Район Лондона.

холлом и спортивными газетами, можно было считать второстепенным персонажем. Следовательно, именно на долю Морриса выпадали все текущие заботы, печали и радости жизни этой маленькой «империи». Существует расхожее утверждение о том, что в жизни радости и беды чередуются, оно принадлежит к числу тех банальностей, которыми разные услужливые моралисты утешают неудачников и непризнанных гениев, однако, в случае Морриса синяков и шишек было гораздо больше, чем пирогов и пышек. Он не жалел усилий и требовал того же от других; рано утром вызывал к себе прислугу, собственноручно распределял продукты, отмечал на бутылке, сколько осталось вина, подсчитывал несъеденные бисквиты. Ежедневные расчеты приводили к малопривлекательным сценам: кухарка каждый раз подвергалась различным обвинениям, а в гостиной приходящие торговцы устраивали с Моррисом настоящие сражения за каждые три пенса. Посторонние люди с пренебрежением отзывались о нем, как о «скупердяе», он же сам считал себя попросту обманутым человеком. Окружающий мир должен был ему семь тысяч восемьсот фунтов, и он решил для себя, что мир ему эти деньги вернет.

В полной же мере черты характера Морриса проявлялись в отношениях с дядей Джозефом. Дядя был чем-то вроде пакета весьма рискованных ценных бумаг, в который вбухнута куча денег; не было поэтому ничего удивительного в том, что Моррис заботился о сохранности этого «пакета» весьма тщательно. Ежемесячно старика навещал врач, даже если Джозеф ни на что не жаловался. Его режим питания, гардероб, выезды в Брайтон и Борнмут – все это соблюдалось с регулярностью и старательностью, более свойственными кормлению грудных младенцев. Когда погода портилась, дядя должен был сидеть дома. При хорошей же погоде он был обязан уже в половине десятого ожидать племянника в холле. Моррис удостоверился, на месте ли рукавички и не протекают ли ботинки, после чего господу под ручку отправлялись в офис фирмы. Прогулка явно не была веселой, поскольку ни одна из сторон не пыталась даже изображать взаиморасположение. Моррис постоянно напоминал дяде о растроченных деньгах и неустанно повторял, что мисс Хезелтайн является для него обузой; Джозеф же, хотя и был по натуре человеком мягким и кротким, взирал на своего племянника с чувством, близким к ненависти. Но дорога в фирму не шла ни в какое сравнение с возвращением домой, поскольку сам вид семейного пристанища, так же как и любое воспоминание о мелочах проистекающей там жизни способны были отравить существование каждому из Финсбюри.

На входных дверях все еще фигурировало имя Джозефа. Банковские чеки также все еще подписывал он; это было одно из тактических ухищрений Морриса, имеющее целью произвести угнетающее впечатление на оставшихся участников *тонтины*. На самом деле, торгово-кожевенный бизнес полностью принадлежал ему, будучи при том наследством весьма обременительным. Моррис пробовал продать фирму, но сделанные ему предложения были попросту смешны. Пробовал ее расширить, но удалось увеличить только долги. Пробовал ограничить масштабы деятельности, но ограничил только доходы. Вообще на этом деле никто никаких денег на заработал, исключая оборотистого шотландца, который удалился (после увольнения с должности) в местечко Банфф, где на добытые средства выстроил себе небольшой замок. В адрес этого предателя-каледонца сыпал руганью Моррис, сидя ежедневно в своем кабинете и просматривая почту. Рядом, за соседним столом, исполнял службу дядя Джозеф, ожидая с угрюмой миной указаний или раздраженными движениями пера ставя свою подпись на бумагах, смысла которых абсолютно не понимал. А когда свежеиспеченный шотландский землевладелец прислал уведомление о своей вторичной женитьбе (на Давиде, старшей дочери преподобного Мак-Кроу), все не на шутку боялись, как бы Морриса не хватил удар.

Рабочие часы в фирме Финсбюри были строго ограничены. Даже чувство долга, присущее Моррису, не было настолько сильным, чтобы и он мог долго выдержать присутствие в этих стенах, над которыми завис призрак банкротства. Наконец наступала минута, когда главный надзиратель и его служащие могли с облегчением вздохнуть и приступить к составлению планов на день грядущий. Излишняя Спешка – родная сестра Безнадежного Промедления; можно

к тому же предположить, что Искусству Торговли оно приходится племянником. Тем временем наш торговец провожал домой свою живую инвестицию, как собачку на поводке, а доставив его в гавань холла, отправлялся на поиски сигнетов³, коллекционирование которых составляло единственную страсть в его жизни. Тщеславие Джозефа было выше среднего уровня, это было тщеславие просветителя. Свою вину он признавал, хотя грехов, совершенных против него (взять, к примеру, того же шотландца), было явно больше, чем совершенных им самим. Но даже будь у него руки по локоть в крови, он не считал бы себя заслуживающим того, чтобы какой-то молокосос тащил его, как хозяин раба за своей повозкой, чтобы он сидел, как арестант, в офисе своей собственной фирмы, чтобы должен был выслушивать обидные замечания относительно всего своего жизненного пути, чтобы кто-то проверял, как он одет и на месте ли рукавички, прям ли воротник, чтобы его выводили на прогулку и приводили домой, как младенца под присмотром няньки. Когда Джозеф задумывался над всем этим, сердце его наполнялось горечью, он поспешно снимал шляпу, плащ и ненавистные вязаные рукавички и спешно устремлялся наверх к Джулии и своим блокнотам. Гостиная, к счастью, была помещением, куда власть Морриса не распространялась, она считалась комнатой, принадлежащей старику и Джулии. Она шила тут свои платица, он же оставлял чернильные пятна на своих очках, переписывая факты, лишённые взаимосвязи, и проводя статистические расчеты, лишённые смысла.

Тут он иногда высказывал сожаление о своем участии в *тонтине*.

– Если бы не эта несчастная *тонтина*, – пожаловался как-то раз, – никто бы сейчас не следил за каждым моим шагом. Был бы я, Джулия, свободным человеком. И свободно мог бы зарабатывать себе на жизнь чтением лекций.

– Разумеется, дядя, – отвечала Джулия. – А то, что Моррис лишил вас этого удовольствия, это, я считаю, только из-за его скверного характера. Ведь эти милые люди с Кошачьего острова (я не ошибаюсь?) вам писали и приглашали вас прочитать доклад. По моему мнению, он должен был отпустить вас на Кошачий остров.

– В этом человеке нет ни капли интеллигентности – вторил ей Джозеф. – Вокруг него жизнь бьет ключом, а ему это безразлично. С тем же успехом мог бы жить в гробу. Ты только подумай, какие ему предоставлены возможности! Другой бы на его месте ошалел от счастья. Какими знаниями я мог бы с ним поделиться, если бы только он захотел слушать! Нет, Джулия, у меня нет слов!

– Все равно, дорогой дядюшка, вам не следует волноваться, вы ведь сами знаете, что, если будете плохо себя чувствовать, тут же вызовут врача.

– Увы, это правда, – покорно согласился старик. – Пойду немного поработаю, это меня успокоит. – А затем, перелистывая страницы своих записок, продолжил: – Я вот тут подумал, мне кажется, что раз у тебя руки заняты, то, может быть, тебя бы заинтересовало...

– Ну конечно! – воскликнула Джулия. – Прочитайте мне, пожалуйста, какую-нибудь из ваших прелестных историй, очень вас прошу!

Джозеф в мгновение ока снял с полки толстенный фолиант и нацепил на нос очки, дабы не предоставить Джулии никакой возможности для отступления.

– Итак, я бы хотел прочитать тебе, – сказал он, шелестя страницами, – свою запись беседы с одним голландским дипломатом, которого звали Давид Аббас, что на латыни означает аббат. Надо сказать, что затраты, понесенные мной в течение этого разговора, окупились сполна. Дело в том, что Аббас поначалу выказывал некоторую нетерпеливость, и это навело меня на мысль, чтобы, как это сейчас называется, поставить ему выпивку. Тут всего-то двадцать пять страниц. О, нашел это место, – прокашлялся и начал читать.

На самом деле доля вложений мистера Финсбюри в финансовое обеспечение беседы составила, согласно его собственному признанию, сорок девять с половиной процентов, све-

³ Перстень с печатью.

дений же, полученных им от Аббаса, оказалось всего ничего. Джулии, которая вполне могла пропускать слова дяди мимо ушей, было попросту скучно, для голландского же курьера все это, по-видимому, должно было явиться настоящим кошмаром. Утешался он, надо думать, тем, что мог регулярно прихлебывать из бутылки; а под занавес, скорей всего, уже не довольствовался сдержанной щедростью Джозефа и заказал бутылку за свой счет. Во всяком случае, в конце дядиных записей прозвучали некоторые нотки удовлетворения: Аббас неожиданно стал слушать собеседника по собственной и без принуждения воле и даже выдал ему какую-то дипломатическую тайну. Джулия в этом месте оторвала глаза от своего шитья, а на ее лице появилось некое подобие улыбки, но в этот момент в дом ворвался Моррис, громко выкликавая дядю и размахивая вечерней газетой.

Новости, принесенные им, были действительно важными. Газета сообщала о кончине генерала-лейтенанта сэра Глазго Биггера, кавалера многочисленных и высоких наград. С этого момента судьба *тонтины* была полностью в руках Джозефа и Мастермана Финсбюри. Наконец-то для Морриса засветила некоторая надежда. Правда, братьев никогда не связывали сердечные отношения. Получив известие о том, что Джозеф отправился в путешествие на Ближний Восток, Мастерман дал волю своему негодованию. «Это просто неприлично», – заявил он. – «Попомните мои слова, следующее сообщение о нем придет с Северного полюса». Об этом нелестном замечании путешественника по возвращении, естественно, поставили в известность. Хуже того, Мастерман категорически отказался присутствовать на лекции «Просвещение: его цели, задачи и необходимость», хотя должен был занять место в президиуме. С того времени братья вообще перестали видеться. Но до явного и окончательного разрыва дело никогда не доходило. Джозеф (по настоянию Морриса) был готов отказаться от преимуществ, какие предоставлял ему более молодой возраст, Мастерман же всю жизнь имел репутацию человека положительного, которому чужды любые проявления алчности. Таким образом, определенные предпосылки для компромисса существовали. Моррис, перед которым неожиданно открылась перспектива получить-таки свои семь тысяч восемьсот фунтов и избавиться от несчастной торговли шкурами, поспешил в офис своего кузена Майкла.

Майкл пользовался в обществе неоднозначной репутацией. Юристом он стал в довольно молодом возрасте, а поскольку не имел никакой протекции в профессиональных кругах, то счел, что наиболее прямой путь к успеху – это заняться делами, которые больше походили на подозрительные аферы.

Он был известен как адвокат, берущийся за совершенно безнадежные случаи. Известно также было, что он в состоянии выжать показания из камня и извлечь выгоду из выработанного золотого прииска. Ничего, стало быть, удивительного не было в том, что в его офисе крутились люди, оказавшиеся на краю пропасти, те, кому было нечего терять, а также такие, которым не повезло со случайными знакомствами, растяпы, потерявшие компрометирующие их бумаги, господа, которых шантажировали собственные лакеи. В частной жизни за Майклом установилась слава человека, не чуждающегося радостей жизни, но всеми также признавалось, что несомненные профессиональные знания и опыт оказывали сдерживающее влияние на темперамент, а если речь шла о выгодном помещении капиталов, то эффективности решений адвокат предпочитал их основательность. Более того, а в нашем случае это важно, ко всей этой суете с *тонтиной* Майкл относился с полным пренебрежением. Так что Моррис явился к кузену, обуреваемый немалыми сомнениями в успехе своей миссии, отчего начал излагать свой план с некоторым излишним возбуждением. Минут пятнадцать адвокат не прерывал гостя, излагающего ему несомненные выгоды упомянутого плана, после чего встал и, вызвав колокольчиком своего секретаря, произнес одну-единственную фразу:

– Ничего не выйдет, Моррис.

Напрасно владелец кожевенной торговли умолял и убеждал, наведываясь в контору кузена несколько дней подряд, упрашивая и взывая к голосу разума. Напрасно предлагал он

вознаграждение в размере тысячи фунтов, двух, трех тысяч, напрасно от имени Джозефа провозглашал, что удовлетворится всего третью суммы. Ответ был неизменен:

– Ничего не выйдет.

– Я тебя не понимаю, – заявил в конце концов Моррис. – На мои аргументы ты не отвечаешь и вообще ничего вразумительного сказать не можешь. Это просто твоя зловредность в чистом виде.

– Можешь быть уверен в одном, – мило улыбнулся в ответ адвокат. – Никогда и ни в коем случае я твоего любопытства не удовлетворю. Как видишь, я сегодня более разговорчив с тобой, поскольку это наша последняя беседа на эту тему.

– Последняя?! – воскликнул с горечью Моррис.

– Самая что ни на есть, – подтвердил Майкл. – Не могу допустить, чтобы мне кто-то мешал в рабочее время. А кстати, у тебя что, никаких других дел нет? Так плохи дела в торговле шкурами?

– Это просто твоя зловредность, – повторил Моррис. – Ты всегда меня ненавидел, всегда меня презирал, еще с детства.

– Ну что ты, какая там ненависть, – утешал его Майкл. – Ты мне в каком-то смысле даже нравишься. Есть в тебе что-то привлекательное, по крайней мере, издалека ты выглядишь вполне солидным и серьезным. Кто-нибудь, не знающий тебя, вполне мог бы даже принять тебя за романтическую натуру, человека, как говорится, с биографией. А говоря серьезно, из твоих слов вытекает, что в кожевенной торговле продолжаются неприятные сюрпризы.

– Так, – подвел итог Моррис, не обращая внимания на слова кузена. – Сюда мне больше ходить незачем. Я должен увидеться с твоим отцом.

– О нет, это тебе не удастся. Никто не может увидеться с моим отцом.

– Хотелось бы знать, почему.

– Я и не делаю из этого тайны. Он очень болен.

– Если он и вправду так болен, как ты говоришь, то это еще один довод, что тебе разумнее принять мое предложение. Но я все-таки с ним увижусь.

– Вряд ли. – Майкл встал и позвонил секретарю.

Настало время, когда в соответствии с рекомендациями сэра Фарадея Бонда, дипломированного медика, чье имя столь часто появляется в бюллетенях о состоянии здоровья сильных мира сего, Джозеф был перевезен на природу, в Борнмут, местность, знаменитую своим чистым воздухом. И вот, все семейство, отряхнув с подошв городскую пыль Блумсбери, переместилась в эти настоящие дачные джунгли. Джулия была этому искренне рада, поскольку ей случалось заводить в Борнмуте интересные знакомства. Джону переезд не был по нутру, поскольку городские развлечения он предпочитал радостям сельской жизни. Джозеф выглядел равнодушным, ему было все равно где находиться, лишь бы под рукой были перо, чернила и бумага и лишь бы не испытывать ежедневной конторской пытки. Сам же Моррис был тоже отчасти рад отвлечься от ненавистных торговых забот, к тому же здесь, на отдыхе, он мог полностью предаться размышлениям над своими планами. Он был полон решимости преодолеть любые препятствия, лишь бы отыскать свои деньги и раз навсегда избавиться от шкур. На его взгляд, то, что ему не удалось до сих пор убедить Майкла, было вещью поистине достойной удивления, принимая во внимание скромность его претензий и размер *тонтины*, достигший уже ста шестнадцати тысяч фунтов. «Если бы он только знал, как мне в сущности мало надо», – повторял про себя Моррис. И когда он ночами вертелся на кровати, а во время обеда забывал о еде, в купальной кабине о том, что надо переодеться, его мучила одна и та же проблема: почему Майкл отказал?

Наконец как-то ночью Моррис ворвался в спальню брата и разбудил его.

– Что случилось? – спросил Джон.

– Джулия уезжает завтра, – ответил Моррис. – Она должна вернуться в город, подготовить дом к нашему приезду и нанять прислугу. Мы тронемся за ней через три дня.

– Замечательно! – воскликнул Джон. – А зачем?

– Я знаю, зачем, – убежденно ответил брат.

– Знаешь? Что знаешь?

– Знаю, почему Майкл не идет на компромисс. Он не может. А не может потому, что Мастермана нет в живых, и он от нас это скрывает.

– Черт возьми! – выругался легковверный Джон. – А зачем он это делает? Какой в этом смысл?

– Хочет захватить *тонтину*.

– Но у него же не выйдет. Нужно свидетельство врача.

– Ты что, никогда не слышал о продажных врачах? – рявкнул Моррис. – Да их как муравьев в лесу. За три фунта купить можно.

– Нет, если бы я был коновалом, не согласился бы меньше чем за пятьдесят, – заметил Джон.

– А Майкл, – продолжал Моррис, – завяз в этих делах по уши. У всех его клиентов рыльце в пушку. Все его дела дурно пахнут. И лучше его никто в них не разбирается. Можешь мне поверить, он себе все точно спланировал. И план этот наверняка неплохой, ибо ловкач он отменный. Но я тоже хитер, и терять мне нечего. Я еще сиротой школьным потерял семь тысяч восемьсот фунтов.

– Не будь занудой, – прервал его Джон. – Ты уже истратил куда больше, стараясь их вернуть.

Глава вторая в которой Моррис начинает действовать

Несколькими днями позднее, как и предполагалось, трое мужчин, принадлежащих к нашему незадачливому семейству, отбыли с Восточного вокзала местечка Борнмут. Погода явно не благоприятствовала путешествию, да к тому же была и сильно переменчивой. Не удивительно поэтому, что Джозеф был экипирован в полном соответствии с указаниями сэра Фарадея Бонда, который в отношении одежды своих пациентов исповедовал принципы не менее строгие, чем по части диетпитания. Немного найдется покорных страдалцев, которые согласились или, по крайней мере, пытались следовать наставлениям этого педантичного из эскулапов. «Не рекомендую пить чай, – читателю, наверное, приходилось уже слышать подобные предостережения, – да-с, советую категорически исключить из рациона чай, жареную печенку, вина, содержащие сурьму, а также свежий хлеб. Ложиться спать необходимо не позднее 10.45; настоятельно советую носить белье только из гигиенической фланели. А для верхней одежды использовать мех куницы. Следует также заказать пару ортопедической обуви от фирмы «Дэлл и Крамби». Уже после урегулирования гонорара, сей доктор мог остановить вас на пороге кабинета и трубным голосом добавить с особым нажимом: «Да, забыл самое главное: прошу избегать, как нечистой силы, копченой селедки!» Нечастный Джозеф был до последней пуговицы одет согласно наставлениям сэра Фарадея. На нем были ортопедические башмаки, костюм из натуральной, пропускающей воздух шерсти, рубашка из гигиенической фланели, материала несколько мрачноватого по оттенку, ну и, разумеется, пальто из куньего меха. Даже носильщики на вокзале в Борнмуте (излюбленном, кстати, курорте доктора) без труда узнавали в пожилом джентльмене творение сэра Фарадея. О наличии у Джозефа личных вкусов в выборе гардероба свидетельствовал лишь один-единственный предмет – фуражка с козырьком, с которой его не могла разлучить никакая сила в мире – это была память о том, как он удирал от голодного шакала в эфесской пустыне и о пережитом урагане в Адриатике.

Не успела мужская часть семейства Финсбюри разместиться в купе, как уже начались раздоры. Ссора сама по себе вещь неприятная, а в случае с Моррисом она оказалась особенно некстати. Если бы он чуть подольше постоял у окна, эта повесть не была бы написана, поскольку тогда он смог бы заметить (как это сделали носильщики) появление еще одного пассажира в униформе сэра Фарадея Бонда. Голова Морриса, однако, была слишком занята другими делами, которые он (один Бог знает, сколь ошибочно) считал более важными.

– В жизни не слышал большей чепухи, – заявил он, возобновляя спор, который не прекращался ни на минуту с самого полудня. – Этот чек не принадлежит вам, дядя, он принадлежит мне.

– Он выставлен на мое имя, – отвечал старик с завзятым упорством. – Это моя собственность и я могу сделать с ней все, что захочу.

Чек на восемьсот фунтов был дан Джозефу на подпись, он же взял и попросту спрятал его в карман.

– Нет, Джонни, ты только послушай, что он говорит! – кричал Моррис. – Его собственность! Да вся одежда на нем принадлежит мне!

– Отцепились бы вы от меня, – томно пожаловался Джон. – Достали вы меня оба.

– Как ты разговариваешь с дядей?! – воскликнул Джозеф. – Я не потерплю такого неуважения. Вы оба – бессовестные, наглые, безмозглые сопляки. Я решил покончить с этим раз и навсегда.

– Чепуха все это! – прокомментировал Джон, принимая очередную, как ему казалось, изящную позу.

Моррис же, в отличие от брата, отнюдь не был настроен столь безмятежно. Уже факт неподчинения в случае с чеком насторожил его, а последовавший за этим настоящий словесный бунт выглядел и вовсе угрожающе. Поэтому племянник наблюдал за стариком с большой обеспокоенностью. Как-то раз много лет назад, когда Джозеф выступал с одной из своих лекций, публика взбунтовалась. Слушатели сочли мероприятие несколько скучноватым и решили сами себе устроить развлечение. В результате докладчик (вместе с местным учителем, баптистским священником и еще одним членом президиума – лицами, составляющими как бы его личную охрану) был с позором изгнан с трибуны. Моррис не был свидетелем этого происшествия, а если бы был, то узнал бы сейчас этот воинственный блеск в глазах дяди, это характерное жевание губ, как вполне знакомые симптомы оскорбленного достоинства. Но даже и не зная их, Моррис чувствовал, что надвигается весьма серьезная опасность.

– Ну, хорошо, хорошо, – произнес он успокоительно. – Не буду вас, дядя, больше тревожить до самого Лондона.

Джозеф не соизволил даже посмотреть на племянника. Дрожащими руками он достал свежий номер «Британского механика» и демонстративно отгородился развернутой газетой от присутствующих.

«Откуда в нем вдруг эта строптивость? – задумался Моррис. – Очень мне это не нравится». – И полный сомнений, почесал себе нос.

Поезд покрывал пространство, как обычно переноса сквозь него случайное собрание безмянных пассажиров и в их числе дядю Джозефа, который делал вид, что погружен в чтение, Джона, дремлющего над бульварным романом, и Морриса, в мыслях которого клубились десятки претензий, подозрений и опасений. Мимо окон проплывали то морское побережье, то сосновый лес, то извивающаяся лента реки. Поезд немного опаздывал, но должен был успеть до отправления юго-западного курьерского, который уже ожидал на станции в центральной части Нью-Гемпшира. Ее настоящее название во избежание претензий со стороны железнодорожного ведомства я предпочту здесь скрыть, воспользовавшись псевдонимом Браундин.

Многие пассажиры высовывались из окон, и среди них некий пожилой джентльмен, на котором стоит остановить наше внимание, тем более что мы чуть было не упустили его из виду. Имя его не имеет значения, зато весьма важны его привычки. Джентльмен этот почти всю свою жизнь путешествовал по Европе в твидовом костюме, но когда в результате многолетнего чтения «Вестника Галиньяни» у него резко ухудшилось зрение, он вспомнил вдруг об отеческих берегах и прибыл в Лондон, дабы получить консультацию у окулиста. Ну а там от окулиста к дантисту, от одного врача к другому, и когда наш путешественник в конце концов угодил в объятия сэра Фарадея Бонда, он был немедленно переодет в гигиенические воздухопроницаемые одежды и направлен в Борнмут. В данный момент он как раз возвращался от своего единственного в родном краю приятеля (тоже известного врача) для того, чтобы явиться на профилактический осмотр к сэру Фарадею. Вообще, удивительны судьбы этих «твидовых» туристов. Их можно встретить просиживающих часами за табльдотом (в Специи, Граце или Венеции), окруженных легкой аурой меланхолии, и с минами бывалых людей, которым случалось и в Индии поковать, но которым в итоге не повезло. В сотнях европейских отелей портье знают их в лицо и по имени, но как ни странно, если бы вдруг вся эта путешествующая когорта вдруг исчезла с лица земли, никто бы их отсутствия не заметил. Тем более, если бы исчез только один, ну, скажем, тот самый, в продуваемом одеянии. Счет в борнмутском отеле он оплатил, все пожитки, которыми на данный момент располагал, были чуть ранее упакованы в два чемодана и проданы еврею-старьевщику; разве что лакей сэра Фарадея в конце года не досчитается двух шиллингов, да хозяева европейских гостиных в те же сроки отметят небольшое, но все же заметное снижение доходов. И все. Возможно, схожие мысли как раз при-

ходили в голову пожилому джентльмену, поскольку печать меланхолии на его лице читалась вполне явственно, когда он убрал из проема окна седую голову и занял свое сиденье, а поезд постоял положенное время на станции, затем тронулся, пуская клубы дыма, миновал мост и, набирая скорость, помчался дальше через вересковые пустоши и перелески Нью-Гемпшира.

Через несколько сотен ярдов после Браундина всех пассажиров взбудоражил пронзительный скрежет тормозов. Поезд резко замедлил ход и остановился. До Морриса донеслись чьи-то возбужденные голоса; он подскочил к окошку. Там кричали женщины, мужчины выскакивали из окон, проводники призывали всех оставаться на своих местах; в то же время состав начал медленно откатываться назад в сторону Браундина. Через минуту все эти звуки заглушил апокалиптический свист и грохот мчащегося на всех парах экспресса.

Звука удара Моррис не слышал. Возможно, он потерял сознание. Ему снился кошмарный сон, в котором вагон согнулся пополам, а затем рассыпался, как карточный домик. В действительности же, когда Моррис пришел в себя, то обнаружил, что лежит на голой земле под открытым небом. Голова нестерпимо болела, он поднес ладонь ко лбу и не был сильно удивлен, когда увидел, что вся рука в крови. Воздух разрывал ужасающий пульсирующий рык. Моррис надеялся, что рык этот исчезнет по мере возвращения ясности сознания, но похоже было, что тот еще более усиливался, вгрызаясь сверлом в уши. Словом, грохот стоял, как в паровой кузнице.

В Моррисе начало просыпаться любопытство. Он сел и огляделся вокруг. Рельсы в этом месте тянулись полукругом по лесистому пригорку; склон пригорка со стороны Морриса был осыпан обломками поезда из Борнмута; обломки экспресса были большей частью скрыты лесом, а сразу же за поворотом сквозь облака пара и языки горящего угля просматривались останки двух паровозов. Вдоль дороги туда-сюда бегали с криками какие-то люди, другие лежали на траве неподвижно, напоминая в чем-то приуснувших бродяг.

Неожиданно Моррис осознал, что вокруг происходит. Катастрофа! – догадался он, обрадованный своей сообразительностью. Почти в ту же секунду взгляд его остановился на Джоне, который лежал рядом, бледный, как бумага. Мой бедный, любимый Джон! – подумал Моррис и в приливе братских чувств коснулся руки Джона. Возможно, это прикосновение разбудило Джона, во всяком случае он открыл глаза, уселся и после нескольких минут беззвучного шевеления губами извлек из себя какое-то подобие слов.

– Это что за балаган? – спросил он замогильным голосом. Адская кузница не переставала гроыхать.

– Бежим! – крикнул в ответ Моррис, показывая на клубы пара, все еще извергаемые разбитыми локомотивами. Помогая друг другу, братья встали и, шатаясь на гнущихся ногах, огляделись вокруг, оценивая масштаб гибельных разрушений.

В это время к ним подошла группа мужчин, оказывающих первую помощь.

– Господа не ранены? – поинтересовался молодой человек, по бледному лицу которого градом катил пот. Судя по тому, как к нему обращались спутники, он был врачом.

Моррис отрицательно покачал головой, а врач с хмурым выражением на лице протянул ему бутылку с чем-то спиртным.

– Глотните, – предложил врач, – по лицу вашего приятеля видно, что ему это пойдет на пользу. Нам нужны помощники. Работа предстоит адская, и никто не должен уклоняться. Поможете хотя бы таскать носилки, если больше ни на что не годитесь.

Едва группа спасателей отдалилась, как Моррис, взбодренный глотком водки, окончательно пришел в себя.

– О Боже! – вскричал он, – дядя Джозеф!

– И в самом деле, – сказал Джон. – Куда он подевался? Надеюсь, старикан не сильно пострадал.

– Давай, помоги мне его найти. – В действиях Морриса вдруг появилась суровая решительность, абсолютно не свойственная ему в нормальной ситуации. Вне себя от ярости он воскликнул: – Если он погиб! – и погрозил небесам кулаком.

Братья спешно двинулись по усеянному телами полю, заглядывая в лица раненных, мертвых переворачивая на спину. Но среди примерно сорока осмотренных дяди Джозефа они не обнаружили. Наконец, поиски привели их близко к месту, где собственно и произошло соударение. Из котлов с оглушительными вздохами все еще выходили остатки пара. Спасатели до этой части поля еще не добрались. Участок у края леса отличался неровностями рельефа – ложбины чередовались с пригорками, поросшими можжевельником. Там могли быть скрытые от глаз тела еще многих жертв катастрофы. Братья продолжили поиски с удвоенным вниманием, напоминая терьеров, рыщущих по следам зверя. Вдруг Моррис, который руководил экспедицией, остановился и трагическим жестом выставил вперед руку с вытянутым указательным пальцем. Джон посмотрел в направлении, обозначенном братом.

На светло-желтом песке в ложбинке между двумя пригорками лежало нечто, бывшее когда-то человеческим существом: изуродованное лицо не подлежало опознанию. Но снежно-белые волосы, пальто, подбитое куньим мехом и все прочие гигиенические и воздухопроницаемые детали гардероба, включая ортопедические ботинки от фирмы «Дэлл и Крамби» – все это указывало на то, что перед ними тело несчастного дяди Джозефа. Только фуражка, видимо, куда-то заделалась в этой суматохе, голова у погибшего была непокрыта.

– Бедный старикан! – вздохнул Джон, проявляя некое подобие человеческих чувств. – Я не пожалел бы десяти фунтов, чтобы загладить те обиды, которых он натерпелся от нас в поезде.

Но на физиономии Морриса, когда он вглядывался в покойника, не было и следа подобных чувств. Он стоял молча, с остановившимся взглядом, грызя ногти, и вся его трагическая фигура выражала полное неприятие случившегося, а на лице отражались следы невероятных умственных усилий. Вот он, последний удар судьбы. Сначала его, школьного сироту, ограбили, потом приковали к безнадежному кожевенному делу, повесили на шею мисс Хезелтайн, затем кузен хитростью отнял у него *тонтину*, и он все это перенес, можно сказать, с достоинством, а вот теперь еще и дядю у него убили.

– Шевелись! – неожиданно приказал Моррис. – Берись за ноги, нужно оттащить его в лес. Нельзя, чтобы его нашли.

– Что за ерунда! – отозвался Джон. – За каким чертом это нужно?

– Делай, что говорю, – рявкнул Моррис, беря покойника за плечи. – Или я один должен его нести?

Они были близко от края леса. От укрытия их отделяло десять-двенадцать шагов. Они зашли немного поглубже в лес и на небольшой полянке опустили свою ношу на песчаную почву. Потом постояли рядом, глядя на труп со смешанным чувством скорби и отвращения.

– И что дальше? – спросил шепотом Джон.

– Как что, похороним его, ясное дело! – ответил Моррис и начал лихорадочно рыхлить землю перочинным ножом.

– Так у тебя не получится, – возразил Джон.

– Если не хочешь мне помогать, подлый трус, – прошипел Моррис, – можешь идти к дьяволу!

– Совершенно идиотская затея, – отвечивал Джон, – но называть меня трусом я не позволю, – и с неохотой присоединился к брату.

Грунт был песчаный и сыпучий, но пронизанный корнями близких сосен. Можжевельник колот им руки, а песок, который они доставали из ямки ладонями, был изрядно пропитан кровью. После часа напряженных усилий Морриса, при не слишком усердной помощи Джона, образовалась ямка глубиной не более трех дюймов. Несмотря на это, они без сантиментов

запихали туда тело и засыпали песком. Но, хотя потом и прикрыли могилу ветками можжевельника, в одном месте высывался кончик ноги в начищенном до блеска ботинке. Нервы у обоих братьев были на пределе. Даже для Морриса продолжать это мрачное занятие было свыше сил. Подобно зверятам, братья укрылись в ближайших густых зарослях окружающего леса.

– Больше мы ничего не можем сделать, – сказал Моррис, садясь на землю.

– Может быть, – спросил Джон, – соизволишь, наконец, поделиться со мной, что ты, собственно говоря, задумал?

– Да разрази меня гром, – воскликнул Моррис. – Если ты сам до сих пор не понял, то вряд ли я сумею тебе объяснить.

– Наверняка опять какие-нибудь глупости с *тонтиной*. Но ведь это бессмысленно. Мы проиграли, вот и все дела.

– Повторяю тебе, дядя Мастерман умер. Я в этом уверен. Какой-то голос мне это подсказывает.

– Хорошо, пусть, но ведь дядя Джозеф тоже умер.

– Он не умрет, пока я так не решу – заявил Моррис.

– Если уж на то пошло, – ответил Джон, – если ты прав, и дядя Мастерман давно мертв, то нам достаточно будет разоблачить Майкла, и тогда вся правда выйдет наружу.

– Похоже, ты считаешь Майкла полным идиотом, – съехидничал Моррис. – Ты что, не понимаешь, что он это мошенничество давно готовил? У него все уже на мази: медсестру, врача, погребальную контору – всех подкупил. И свидетельство о смерти лежит готовенькое, только дату вставить. Как только он учует подходящий момент, дядя Мастерман через два дня скончается, а через неделю его похоронят. Но имей в виду, Джонни, на что способен Майкл, на то способен и я. Если он блефует, то и я сумею блефовать не хуже. Если его отцу придется быть вечно живым, то вечно живым будет и мой дядюшка.

– Но ведь это, наверно, незаконно? – спросил Джон.

– Человек должен когда-нибудь решиться и проявить хоть самую малость моральной смелости, – ответил с достоинством Моррис.

– А если ты ошибаешься, и дядя Мастерман жив и прекрасно себя чувствует? – продолжал сомневаться Джон.

– И в этом случае наша ситуация не ухудшается, – объяснил заговорщик. – Наоборот, улучшается. Когда-нибудь дядя Мастерман все же должен умереть; ведь как было – дядя Джозеф жил долго, а умереть мог в любую минуту; теперь же никаких препятствий нет, все в наших руках. Игра, которую я задумал, может продолжаться до конца света.

– Хотелось бы мне знать, как ты это провернешь, – вздохнул Джон. – Известно ведь, что ты портачишь все, за что ни берешься.

– Интересно, что я такого спортачил? – взвился Моррис. – Да у меня лучшая в Лондоне коллекция сигнетов!

– Ага, и еще кожевенная фирма, – в тон ему продолжил брат. – И всем известно, что порядок там, как в балагане.

Моррис продемонстрировал исключительную выдержку, не позволив себе ни взорваться, ни нагрубить в ответ, даже легкого недовольства не высказал.

– Вернемся к делу, которое нам предстоит сейчас уладить, – сказал он, – если нам только удастся перевезти его в Блумсбери, все будет в порядке. Спрячем его в подвале; подвал у нас как будто специально для этого предназначен, а потом останется только найти продажного врача.

– А почему мы не можем оставить его тут? – спросил Джон.

– Мы же не знаем этой местности. А вдруг этот лесок – излюбленное место прогулок для парочек? Надо сейчас думать о настоящих трудностях. Как переправить его в Блумсбери?

Множество предложений было рассмотрено и отброшено. Станция Браундин в расчет, естественно, не принималась, ей суждено было в ближайшее время стать местом всеобщего внимания и пересудов, так что выслать оттуда труп, не привлекая ничьего внимания, не было никакой возможности. Джон несмело предложил добыть бочку из-под пива и отправить покойника в ней, но недостатки этого плана были столь очевидны, что Моррис не стал даже на это предложение отвечать. Столь же неудачной выглядела идея приобретения багажного контейнера, ибо с чего бы это двум пассажирам без багажа вдруг понадобился контейнер? Другое дело, если бы они свежее белье покупали.

– Мы на неверном пути, – пришел, наконец, к выводу Моррис. – Нужно рассмотреть ситуацию в целом, – продолжал он, все больше возбуждаясь, речь его была отрывистой, как будто он размышлял вслух. – Предположим, что мы снимем поблизости какой-нибудь домишко, примерно на месяц. А владелец домика может купить контейнер без всяких подозрений, не привлекая ничьего внимания. Предположим, что еще сегодня мы найдем что-нибудь подходящее, вечером купим контейнер, а завтра найдем грузовой фургон, а еще лучше обычную повозку, которой сами сможем править, заберем контейнер или что там достанем и доставим его в Рингвуд или Линдхерст, да неважно, на какую станцию. На контейнере можно написать: «Бракованные образцы товара», понимаешь? Джонни, мне сдается, что я, наконец, придумал нечто дельное!

– Звучит вполне разумно, – признал Джон.

– Разумеется, мы должны взять другие имена. Представляться настоящими было бы глупо. Как тебе нравится фамилия «Мастерман»? По-моему звучит солидно и достойно.

– Нет уж, Мастерманом я не стану ни за что на свете. Можешь взять ее себе, если желаешь. Я лучше назову себя Вэнсом⁴, Великим Вэнсом. Это звучит.

– Еще чего, Вэнсом! – воскликнул Моррис. – Ты что себе думаешь, мы тут в игрушки играем, оперетту разыгрываем? С такой фамилией только в мюзик-холле выступать.

– Вот именно, – подтвердил Джон. – Сразу помогает приобрести авторитет. Можно до конца жизни носить фамилию Фортескью, и никто на тебя внимания не обратит; а имя Вэнс сразу говорит о врожденном благородстве.

– Но есть и другие театральные фамилии: Лейбурн, Ирвинг, Броу, Тул...

– К черту, ни одна из них мне не подходит. Могу я хоть немного развлечься?

– Ладно, Бог с тобой, – Моррис понял что здесь Джон ему не уступит. – Раз уж так, то я буду Робертом Вэнсом.

– А я буду Джордж Вэнс, – воскликнул Джон. – Единственный и неповторимый Джордж Вэнс! Все под знамена Великого Вэнса!

Приведя свои костюмы в приличное состояние, братья Финсбюри вернулись кружной дорогой в Браунден в поисках места, где бы перекусить, и подходящего помещения для реализации дальнейших планов. Найти жилье с мебелью в местечке, лежащем на отшибе, вдалеке от оживленных дорог, вообще говоря, не просто, но нашим искателям приключений повезло – судьба послала им встречу с глухим столяром, во владении которого находилось даже несколько домиков, которые имело смысл осмотреть. Столяр выразил горячее желание удовлетворить все пожелания клиентов. Второе из осмотренных его владений отстояло на полторы мили от соседей. Братья понимающе переглянулись: то, что надо. При ближайшем рассмотрении, правда, у данного жилища выявился и ряд недостатков, причем существенных. Домик стоял в болотистом, поросшем вереском месте; вид из окна заслоняли высокие деревья, стропила под стрехой явно подгнили, а на стенах бросались в глаза неприятные зеленые пятна. Комнатенки были маленькие, потолки низкие, мебели почти никакой. В кухне было на удивление холодно, да и влажность давала себя знать, а в спальне стояла лишь одна кровать.

⁴ Vance – распространённая фамилия в лондонской артистической среде того времени.

Моррис обратил внимание хозяина на все указанные дефекты в надежде сбить цену.

– Ну что ж, – заметил столяр, – если господам не нравится спать вдвоем в одной постели, надо было виллу искать.

– И к тому же водопровода нет. Где вы воду берете?

– Из родника, – ответил хозяин, показывая на здоровую бочку около дверей. – Вот ее нужно наполнить водой из родника, который не так уж и далеко. Носить воду можно ведром, вот оно тут.

Рассматривая указанную емкость, Моррис незаметно подтолкнул брата локтем. Бочка была новая, большая, на вид вполне крепкая. И это обстоятельство все перевесило, остальные нюансы не имели значения. Дело было тут же улажено. Плату внесли за месяц вперед, и уже через час братьев Финсбюри можно было видеть возвращающимися в свой ветхий домишко с ключом, символизирующим их временное право собственности, и спиртовкой, на которой они намерены были готовить себе пищу. Кроме того, разжились они пирогом со свиной начинкой впечатляющих размеров и литровой бутылкой виски наихудшего во всем Гемпшире качества. Но и это не все, поскольку братья решили изображать из себя художников-пейзажистов, то договорились о найме двуколки, которую им должны были доставить рано утром. Таким образом, добравшись до дому, они могли не без оснований считать, что все идет по плану.

Джон принялся заваривать чай. Моррис же, кружа по дому, к своей большой радости нашел на полке в кухне крышку от бочки. Теперь упаковка для посылки была у них в полном комплекте. Поскольку соломы он нигде поблизости не обнаружил, то решил завернуть покойника в несколько одеял, которые тем более подходили для этого, что использовать их для других целей любой из братьев вряд ли бы захотел. По мере того, как одна за другой устранялись трудности, настроение у Морриса улучшалось, доходя порой почти до восторга. Оставалась, однако, еще одна проблема, от решения которой зависел успех всего предприятия: согласится ли Джон остаться в этом пристанище на какое-то время в одиночестве? Пока что Моррис не решался его об этом спросить.

В прекрасном расположении духа сели братья за стол и начали кроить пирог. Моррис известил брата о том, что нашлась крышка от бочки, а Великий Вэнс выразил свое удовлетворение, выбивая дробь вилкой по столу в стиле лучших ударников лондонского мюзик-холла.

– Вот, – назидательно заметил Джон, – я с самого начала говорил, что бочка – это то, что надо.

– Конечно, конечно, – с готовностью подхватил Моррис, поняв, что сейчас самый подходящий момент, чтобы склонить брата к нужному решению. – Я думаю, что тебе надо будет остаться здесь на какое-то время, пока я не дам тебе знак. Я буду везде и всем говорить, что дядя остался на отдыхе в Нью-Гемпшире под твоей опекой. Иначе его отсутствие сразу будет бросаться в глаза.

У Джона отвисла челюсть.

– Что ты плетешь? Можешь сам торчать в этой дыре. Я лично ни за что на свете.

Моррис от волнения побагровел. Ему было ясно, что брата необходимо уговорить любой ценой.

– Вспомни, дорогой мой Джонни, о размерах *тонтины*. Если у меня получится, каждый из нас огребет по пятьдесят тысяч, да больше, по шестьдесят.

– А если не получится? – возразил Джон. – Что тогда? Как тогда будет выглядеть наш банковский счет?

– Я оплачу затраты, – заявил Моррис, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление. – Ты на этом ничего не потеряешь.

– Ну что ж, – рассмеялся Джон. – Если потери ты возместишь, а половина прибыли в случае удачи моя, то ничего не имею против того, чтобы посидеть тут несколько дней.

– Несколько дней! – с трудом сдерживая гнев, воскликнул Моррис. – Да ты больше времени тратишь, пытаешься выиграть пять фунтов на скачках!

– Может, и больше, – пожал плечами Джон. – Такая уж у меня тонкая, артистическая натура.

– Кошмар! – Моррис больше не мог сдержать возмущения. – Я беру на себя все риски, плачу издержки, делюсь прибылью, а ты пальцем не хочешь пошевелить, чтобы мне помочь. Это некрасиво, не по-братски, наконец, это просто непорядочно.

– Но давай все же предположим, – примирительно сказал Джон, на которого резкие слова брата произвели-таки впечатление, – предположим, однако, что дядя Мастерман жив и проживет еще лет десять. Я что, так и буду тут все это время торчать?

– Ну конечно нет, – ответил Моррис еще более примирительным тоном. – Никто не требует от тебя больше месяца. Если дядя Мастерман до тех пор не умрет, ты сможешь поехать за границу.

– За границу? – обрадовался Джон. – Слушай, а почему мне сразу туда не поехать? Ты мог бы всем говорить, что мы с дядей Джозефом развлекаемся в Париже.

– Не говори чепухи.

– Нет, ты подумай, – настаивал Джон. – Ведь это самый настоящий хлев. И сырой к тому же. Ты же сам говорил, что тут сыро.

– Это я столяру говорил, – напомнил Моррис, – чтобы цену снизить. Уж если на то пошло, видал я дома и похуже.

– Ладно, а что я тут буду делать, – продолжал жаловаться Джон. – Приятелей же я не могу сюда пригласить.

– Джонни, дорогой мой, если ты не хочешь хоть чуточку потрудиться ради *тонтины*, так и скажи, не крути вола, я тогда плюну на все это дело.

– Надеюсь, что в расчетах ты не ошибся. Ну что ж, – Джон тяжело вздохнул. – Присылай мне хотя бы иллюстрированные журналы. Будем бороться с трудностями.

Ближе к вечеру стала напоминать о себе мошкара, тучами кружившая вокруг дома. Пронизывающий холод вползал во все щели, камин дымил, по стеклам окон барабанил косой дождь. Изредка, когда мрачность настроения достигала апогея, Моррис вытаскивал бутылку виски. Джон поначалу охотно присоединялся к этим предложениям, но продолжалось это недолго. Братья дружно согласились, что это наихудший виски во всем Гемпшире. Лишь те, кто бывал в этом графстве, способны оценить всю уничижительность подобной оценки. В конце концов, даже Великий Вэнс (которого явно нельзя было причислить к тонким ценителям алкоголя) стал отказываться от угощения. Сгущающийся сумрак, которого не могла рассеять единственная свеча, не способствовал улучшению настроения. Джон перестал высвистывать что-то на пальцах, других развлечений не было, и он сидел молча, горько сожалея в душе о сделанных уступках.

– Нет, все-таки целый месяц я тут не высижу, – пожаловался он вслух. – Да и никто бы не высидел. Это невозможно. Тут даже узники Бастилии взбунтовались бы.

Делая вид, что не слышит, Моррис предложил сыграть в кости. На какие только компромиссы не идет человек, выполняющий важную дипломатическую миссию. Кости были любимой игрой Джона, точнее, единственной, которую он вообще признавал, поскольку остальные, по его мнению, требовали слишком много умственных усилий. В этой же игре ему сопутствовали и талант, и везение. Моррис, наоборот, считал игру в кости никчемным занятием. Возможно потому, что ему вечно в ней не везло, всегда оставался в проигрыше и очень из-за этого переживал. Но неустойчивое настроение Джона внушало опасения, и старший брат был готов на любые жертвы.

В восьмом часу Моррис, испытывая нечеловеческие муки, удосужился проиграть десятка полтора шиллингов. И больше не выдержал, несмотря на почти физическую реальность стоя-

щей перед глазами *тонтины*. Сказав, что отыграется в следующий раз, предложил заняться приготовлением ужина с грогом.

После ужина пора было браться за работу. Из бочки набрали ведро воды, остальную воду вылили, опорожненную бочку подкатали к камину, чтобы просохла. После этого оба брата вышли на улицу и двинулись навстречу своим дальнейшим приключениям под небесами, на которых не светила ни одна звезда.

Глава третья

Просветитель на свободе

Хотят ли люди на самом деле быть счастливыми? Трудно сказать. Не проходит и месяца, чтобы чей-нибудь горячо любимый сын не удрал из дому в надежде стать юнгой на торговом судне, или всеми уважаемый супруг не сбежал бы с горничной куда-нибудь в Техас. Случалось, что пастыри бросали на произвол судьбы свою паству, известны даже случаи, когда судья добровольно раньше времени выходил на пенсию. Посему с непредубежденной точки зрения нет ничего удивительного в том, что и Джозеф Финсбюри в конце концов начал помышлять о побеге. Можно смело признать, что судьба на данном отрезке жизни не слишком к нему благоволила. Мой добрый знакомый мистер Моррис, с которым мне два-три раза в неделю случается быть попутчиком в дороге из Снейсбрук Парка до Лондона, пользуется моим несомненным уважением, но идеалом племянника его, безусловно, назвать нельзя. Джон, тот вообще отличный парень, но если бы он был тем единственным звеном, которое связывает нас с домом, любой предпочел бы заграничное путешествие.

В случае же дяди Джозефа Джон таким единственным звеном (если в принципе к нему приложимо слово «звено») не являлся. Были и другие, более сердечные узы, которые связывали старика с Блумсбери, и речь идет вовсе не о мисс Хезелтайн (которую Джозеф, тем не менее, искренне любил), а о той пачке дневников, в которых заключался весь смысл его жизни. Поэтому решение расстаться с этой сокровищницей мыслей и ринуться в мир лишь с тем интеллектуальным багажом, который помещался непосредственно в памяти, было глубоко трагичным, а уж о мудрости его племянников в этом смысле вообще говорить не приходится. Замысел сей, или, можно сказать, искушение родилось в нем несколько месяцев назад. А когда в руках Джозефа оказался чек на восемьсот фунтов, идея окончательно созрела. Чек этот (который для человека столь бережливого составлял целое состояние) он задержал у себя и решил раствориться в толпе на вокзале Ватерлоо или, если это не удастся, улизнуть из дома как-нибудь вечером и исчезнуть как сон, затеряться среди миллионов лондонских жителей. Вмешательство Провидения и неразбериха на месте происшествия ускорили реализацию замысла.

Он был одним из первых, кто пришел в себя и оказался на ногах после катастрофы под Браундином, а увидев своих племянников, лежащих без сознания, понял, что его час пробил. И удрал. Конечно, человеку, которому за семьдесят, да после такой аварии, да еще в полной униформе сэра Фарадея Бонда, трудно убежать слишком далеко, но близость леса сулила, по крайней мере, временное укрытие. Вот наш старичок и двинулся туда с неожиданной резвостью, но быстро запыхался, да и пережитое потрясение давало себя знать, поэтому он прилег отдохнуть в тихой рощице и вскоре приуснул. Людям, наблюдающим со стороны за игрой случая, его (случая) изобретательность часто может показаться не лишенной юмора: несомненно, забавным было то обстоятельство, что, когда Моррис и Джон копались в песке, стремясь спрятать труп совершенно чужого для них человека, их дядя спал сном праведника в том же лесочке несколькими ярдами дальше. Разбудил его звук рожка, доносящийся с близкого дорожного тракта, по которому катился, видимо, припозднившийся почтовый фургон. Звук этот не только привел старика в бодрое состояние духа, но и указал направление дальнейшего движения, и уже вскоре Джозеф стоял на тракте, озираясь направо и налево из-под козырька своей фуражки и решая непростой вопрос, что делать дальше. Издалека донесся стук колес, после чего показалась приближающаяся повозка, доверху набитая почтовыми посылками. Управлял ею человек с добродушным лицом и вывеской на груди, гласящей, что это «И. Чандлер, почтовый извозчик». Донельзя прозаическая манера мышления мистера Джо-

зефа сохранила все же некоторые романтические черты. Когда-то они завели его, легкомысленного сорокалетнего оболтуса, на Ближний Восток, а сейчас, в первые минуты обретенной свободы навели на мысль продолжить побег на повозке мистера Чандлера. Выйдет недорого, а если повести дело с умом, то может обойдется и без оплаты, зато, после долгих лет вязаных рукавичек и гигиенической фланели, даже сердце начало биться сильнее в предвкушении того, как он сейчас прокатится с ветерком.

Мистер Чандлер был несколько удивлен видом джентльмена в столь преклонном возрасте и в столь странном наряде, голосующего на дороге в столь безлюдном месте, но как человек участливый, охотно приходящий на помощь ближнему, согласился подвезти незнакомца, а поскольку имел собственное представление о вежливости, то ни о чем своего пассажира не спрашивал. Собственно говоря, молчание вполне устраивало мистера Чандлера, однако, как только повозка тронулась, он обнаружил, что втянут в односторонний диалог.

– Насколько я могу судить по разнообразию пачек и коробок на вашей повозке, по многообразию адресов на этих посылках, а также по ухоженному виду вашей фламандской лошадки, вы занимаете должность доставщика почты в знаменитой английской транспортной службе, которую по праву называют гордостью нашей страны.

– Именно так, сэр, – скромно подтвердил возница, не очень понимая, какого ответа от него ожидают. – Эти почтовые грузы доставляют нам много хлопот.

– О, я говорю без всяких предубеждений, – продолжил далее Джозеф Финсбюри, – дело в том, что в молодости я много путешествовал. И не было такой вещи, серьезной или малозначительной, которой бы я не интересовался. На море изучал искусство плавания под парусом, узнал множество способов завязывания морских узлов и выучил немало разных технических терминов. В Неаполе научился готовить макароны, а в Ницце – делать цукаты из фруктов. Если случалось посетить оперу, то никогда не забывал прежде приобрести партитуру и ознакомиться с главными ариями, наигрывая их одним пальцем на фортепьяно.

– Да, много вам довелось узнать, – заметил возница, подгоняя коня. – Жаль, что у меня таких возможностей не было.

– А знаете ли вы, сколько раз упоминается в Ветхом Завете слово «кнут»? Если правильно помню, сто сорок семь раз.

– Что вы говорите? – ответил мистер Чандлер. – Никогда бы мне это в голову не пришло.

– Библия содержит три миллиона пятьсот одну тысячу двести сорок девять букв. Стихов же, насколько мне известно, более восемнадцати тысяч. Было много изданий Библии. В Англии ее впервые перевел и распространил Джон Уиклиф, около 1300 года. «Параграфическая Библия», так ее принято называть, – это популярное издание, и называется так потому, что разделена на отдельные параграфы. Другое популярное издание – «Библия Бричса» – названа так то ли по имени своего издателя, некоего Бричса, то ли по названию местности, где была напечатана.

Возница скупно заметил, что «очень может быть», после чего сосредоточил внимание на более актуальном занятии, а именно попытке обогнать воз с сеном, что было не так-то просто, поскольку дорога была узкой, и с обеих ее сторон тянулись глубокие канавы.

– Я заметил, – возобновил свою речь мистер Финсбюри, когда они благополучно миновали воз, – что вы держите вожжи одной рукой, а следует держать их двумя.

– Очень интересно! – воскликнул презрительно возница. – А это почему же?

– Как вы не можете понять, – укорил его мистер Финсбюри. – То, что я вам говорю, это факт научных исследований, основанный на теории движения, которая является основным разделом механики. По этой отрасли знаний существует множество любопытнейших книжек ценой всего в шиллинг, и мне кажется, что человеку вашего положения было бы небезынтересно с ними ознакомиться. Сдается мне, однако, что развитию в себе наблюдательности вы много внимания не уделяли. Во всяком случае, мы едем вместе уже довольно давно, а что-то я

не припомню, чтобы вы привнесли в наш разговор хотя бы один любопытный факт. Это меня огорчает, друг мой. Вот я, например, не уверен, обратили ли вы внимание, что, обгоняя воз с сеном, вы объехали его с левой стороны?

– Ну, с левой, конечно, – ответил возница, повышая голос и несколько воинственным тоном, – иначе пришлось бы иметь дело с полицией.

– А вот во Франции, а также, я полагаю, в Соединенных Штатах вам пришлось бы сделать это справа.

– Ни за что бы этого не сделал! – возмущенно воскликнул мистер Чандлер. – Объехал бы слева.

– Заметил я также, – продолжил мистер Финсбюри, не обращая внимания на последние слова спутника, – что поврежденные части вашего экипажа связаны шнурком. Я всегда осуждал небрежность и неряшливость, свойственные представителям нашего беднейшего класса. В одной из лекций, которую я в свое время прочитал перед благодарной публикой...

– Какой же это шнурок, – возница счел себя оскорбленным, – это вовсе даже шпагат!

– Я всегда осуждал, – не унимался мистер Джозеф, – что как в личной и семейной жизни, так и в трудовой деятельности низшие слои нашего общества отличаются недостатком прилежности, предусмотрительности и экономности, что они попросту донельзя расточительны. Любой пенс...

– И кто же тут, черт возьми, принадлежит к низшим слоям? – возмущенно закричал возница. – Сами вы из низших слоев! Да будь вы этим чертовым аристократом, я бы ни за что не взялся вас подвозить.

Все это говорилось уже с нескрываемой неприязнью; стало ясно, что общего языка они не найдут, и дальнейшая беседа даже для столь словоохотливого человека, как мистер Финсбюри, стала невозможной. Он сердито надвинул на глаза козырек своей фуражки, достал из самого глубокого кармана блокнот и синий карандаш, после чего погрузился в свои расчеты.

Возница в свою очередь начал увлеченно насвистывать, изредка бросая взгляды на попутчика со смешанным чувством триумфа и боязни. Триумфа – поскольку ему удалось сдержать бурный словесный поток, боязни – чтобы тот, не дай Бог, не возобновился. Даже настигший их проливной дождь не нарушил молчания. Так молча они и доехали до Саутгемптона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.